

ДЕВОЧКА ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЛАБИРИНТЫ ПАМЯТИ

АЛЛА ГОРБУНОВА

Алла Горбунова

Девочка из Советского Союза

«Автор»

2026

Горбунова А.

Девочка из Советского Союза / А. Горбунова — «Автор», 2026

«Посёлок Красный Октябрь. Шахтёрский край, где утро начинается с сирены, а вечер — с долгого воя, от которого замирает сердце. Здесь, среди терриконов и деревянных домов, растёт девочка Алина. Она смотрит, как отец надевает протез и садится за швейную машинку. Она слушает, как мама по вечерам рассказывает о войне. Она бежит с подругами на чердак за сокровищами, строит халабуды, собирает металлолом и впервые влюбляется — в курсанта военного училища, чьи письма пахнут небом и далью. Время идёт. Школа, институт, первая роль в театральной студии, студенческие дискотеки, общежитие, экзамены, слёзы и смех. И одна случайная встреча на ледяной дорожке у кинотеатра «Октябрь». Эта книга — не ностальгия. Это живая, дышащая память о времени, которое ушло. О стране, которой больше нет. О людях, которые остаются с нами навсегда.

© Горбунова А., 2026

© Автор, 2026

Алла Горбунова

Девочка из Советского Союза

Алла Горбунова

ДЕВОЧКА ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Книга 1. Лабиринт памяти

Всем, кто помнит, и всем, кто хочет помнить.

Пролог

Часть первая. Лабиринт памяти.

Глава 1. На пороге вечности.

Глава 2. Февраль.

Глава 3. Кровь.

Глава 4. Одна кровь.

Глава 5. Рождение дочери.

Глава 6. Драгоценный свёрток.

Часть вторая. Посёлок Красный Октябрь.

Глава 1. Точка на карте.

Глава 2. Храм культуры.

Глава 3. Красный галстук.

Глава 4. Танцы и индийское кино.

Глава 5. Первая награда.

Глава 6. Всё своё.

Глава 7. Общак и киоск.

Глава 8. Наша гордость. Спасательная.

Глава 9. Отец.

Глава 10. Мама.

Глава 11. Три сестры.

Глава 12. На грани сна.

Глава 13. Шкода.

Глава 14. Субботнее сражение.

Глава 15. Мамина броня.

Глава 16. Дворовая ватага.

Глава 17. Пластилинное царство и игра в школу.

Глава 18. Её собственный самолёт.

Глава 19. Воспоминания о доме.

Глава 20. О том, что дети думают о смерти.

Глава 21. Казнь Емельяна Пугачева.

Часть третья. Школьные годы.

Глава 1. Первый звонок.

Глава 2. Конструктор.

Глава 3. Пионерская жизнь.

Глава 4. Зарница.

Глава 5. День освобождения Донбасса.

Глава 6. Молодая гвардия.

Глава 7. Воспитание.

Глава 8. Взросление.

Глава 9. Последний звонок.

Глава 10. Проводы.

Часть четвёртая. На пороге взрослой жизни

Глава 1. Комбинат.

Глава 2. Тростянец.

Глава 3. Белополье.

Глава 4. Старшая пионерская вожатая.

Глава 5. Свадьба сестры.

Глава 6. Письма из армии.

Глава 7. Первый поцелуй.

Глава 8. «А зори здесь тихие...»

Глава 9. Театральная студия.

Часть пятая. Орёл. Студенческие годы

Глава 1. Педагогический институт.

Глава 2. Экзамены.

Глава 3. Верхняя Любовша.

Глава 4. Студенческая дружба.

Глава 5. Первое разочарование.

Глава 6. Общежитие.

Глава 7. Вокзалы, поезда.

Глава 8. Картофельная практика.

Глава 9. Учеба.

Глава 10. Полевая практика.

Глава 11. Мед сестра Гражданской обороны.

Глава 12. Дискотека. Восьмидесятые.

Глава 13. История с продолжением.

Глава 14. Голодные студенты.

Глава 15. Ирония судьбы.

Эпилог

«Автор и героиня — не одно и то же лицо, хотя книга вдохновлена реальными событиями.»

«Посёлок Красный Октябрь. Шахтёрский край, где утро начинается с сирены, а вечер — с долгого воя, от которого замирает сердце. Здесь, среди терриконов и деревянных домов, растёт девочка Алина.

Она смотрит, как отец надевает протез и садится за швейную машинку. Она слушает, как мама по вечерам рассказывает о войне. Она бежит с подругами на чердак за сокровищами, строит халабуды, собирает металлолом и впервые влюбляется — в курсанта военного училища, чьи письма пахнут небом и далью.

Время идёт. Школа, институт, первая роль в театральной студии, студенческие дискотеки, общежитие, экзамены, слёзы и смех. И одна случайная встреча на ледяной дорожке у кинотеатра «Октябрь».

Эта книга — не ностальгия. Это живая, дышащая память о времени, которое ушло. О стране, которой больше нет. О людях, которые остаются с нами навсегда.

«Девочка из Советского Союза» — первая книга дилогии о взрослении, любви и поиске себя. Для тех, кто помнит, и для тех, кто хочет понять».

Эта книга — не ностальгия. Это живая, дышащая память о времени, которое ушло. О стране, которой больше нет. О людях, которые остаются с нами навсегда.

«Девочка из Советского Союза» — первая книга дилогии о взрослении, любви и поиске себя. Для тех, кто помнит, и для тех, кто хочет понять».

БИОГРАФИЯ АВТОРА (для издательства)

Алла Горбунова родилась в шахтёрском посёлке на Донбассе. Окончила педагогический институт в Орле, работала учителем начальных классов. «Девочка из Советского Союза» — её первая книга. Вторая книга дилогии готовится к выходу.

Алла Горбунова

ДЕВОЧКА ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Книга 1. Лабиринт памяти

Всем, кто помнит, и всем, кто хочет помнить.

Пролог

Сквозь сомкнутые веки Алина увидела свет — и мгновенно пробудилась. Но глаза не открыла. Она не чувствовала утра; этот свет был не солнечным. Он струился из самой ночи — яркое, белое, пульсирующее свечение. Оно не просто било в глаза, оно тянуло к себе, манило нездешней, холодной лаской. И Алина подчинилась, встав с постели и двинувшись на его зов, всё ещё с закрытыми глазами, будто во сне.

Она не ошиблась. За окном царил глубокая, тёплая ночь. Выйдя на балкон, она ощутила, как ночной ветерок, нежный и влажный, коснулся её щёк. И только тогда, с трудом преодолевая невидимую тяжесть, она разомкнула ресницы.

Перед ней не было ни звёзд, ни спящего города — лишь ослепительная, безбрежная белизна, выжигающая всё вокруг. Она вобрала в себя мир, не оставив ни формы, ни тени. Сердце Алины сжалось в странном порыве — не страха, но жгучего, неодолимого желания шагнуть в этот свет, раствориться в нём.

И в тот же миг всё исчезло. Ровно, тихо, словно кто-то щёлкнул выключателем в мироздании. Свет испарился, не оставив после себя даже воспоминания о сиянии. И сознание Алины, сорвавшись в пустоту, погрузилось обратно в беспробудную, густую тьму.

Часть первая. Лабиринт памяти

Глава 1. На пороге вечности

Алине исполнилось шестьдесят. Она была уже бабушкой, носила в сумочке фотографии внучки и внука, но частенько в магазине или в автобусе к ней обращались: «Девушка, передайте за проезд». Она ловила эти слова, как ловят первые лучи солнца после долгой зимы, — с благодарной и мгновенной улыбкой. Иллюзия была тонкой и хрупкой, как паутина: она держалась лишь на первом, беглом взгляде — на стрижке, скрывающей седину, на модном бежевом пальто, на всегда безупречном макияже, который она наносила по утрам с привычной, почти спортивной точностью. И в душе она и правда чувствовала себя прежней — той самой Алиной, что бегала босиком по пыльной поселковой улице.

Но вечером, когда суета дня стихала, на неё накатывало иное. Тоска подступала тихо, как туман с реки: начиналась с воспоминания о запахе разнотравья в полях за поселком или о том, как вечерами мама рассказывала о своём детстве. Потом в памяти всплывали лица — отец, ещё молодой и сильный, мама на кухне, сёстры, их давно разъехавшиеся голоса. И тогда в горле вставал ком, а на глаза, вопреки всей туши для ресниц, предательски наворачивались слёзы. Наверное, в её возрасте люди и начинают это путешествие — возвращаться. Не в прошлое, а в то измерение, где время течёт вспять, но дверь в него навсегда закрыта.

Свой возраст она по-настоящему осознавала, не глядя в зеркало, а в разговорах с молодёжью. Слышала их стремительный, усыпанный странными словечками язык, видела их спокойную уверенность в вечности завтрашнего дня. И тогда, не без горечи, понимала: за её пле-

чами — не просто годы. Там лежал тяжелый, но драгоценный груз — жизненная мудрость, сотканная из ошибок, потерь и маленьких побед, опыт, который уже не спутаешь с наивностью.

Тело стало её тихим, но настойчивым собеседником. Оно посылало сигналы — то тупой ломотой в колене при смене погоды, то непонятной тяжестью в спине к концу дня. «Здесь болит, — будто говорило оно, — а здесь уже просто ноет. Прими к сведению». Но принимать не хотелось. Ведь в душе-то всё пело и рвалось вперёд, как в двадцать лет.

И потому по вечерам, когда сон не шёл, а мысли путались, Алина придумывала себе сновидное иное. Лежа в темноте, она закрывала глаза и рисовала картины. Не просто вспоминала — творила. Вот она снова девочка, и дом её родителей стоит не снесённый, а целый, и в печке трещит огонь. А вот она — молодая, и у неё иная судьба, иная дорога, уходящая в сияющую даль. Эти истории уносили её далеко. Они были яркими, невероятными, порой фантастическими. В них можно было всё: остановить время, вернуть ушедших, выбрать другую дверь. Они занимали её до самого рассвета, пока наконец усталость не смешивала краски вымысла с серым светом нового дня, принося короткое, забывчивое забвение.

Путешествуя по лабиринту своего воображения, Алина открывала всё новые двери — в комнаты, где она никогда не была. Но внезапно упиралась в стены абсолютной, кристальной ясности. Это были не комнаты вымысла, а камеры хранения, где воздух густ от пыли реальности, и нельзя придумать ничего лишнего — только чёткие, почти тактильные воспоминания.

Вези меня, ледянка, в детство,

Где мне ещё не больно падать,

Где «Чур» от всех напастей средство,

Где каждая снежинка — радость!

Где папа — молодой и сильный,

Где плакать хочется без мамы,

Где лес и розовый, и синий,

А Дед Мороз такой румяный.

Где ничего вкусней сосульки,

Где сам себе игрушки клеишь,

Где каша манная в кастрюльке,

А апельсин, когда болеешь.

Где горькая микстура в ложке,

Где с пенкой молоко в стакане,

Где в плед завернутая кошка,

Где тётя Валя на экране.

Где мандарины пахнут ёлкой,

Где под столами новоселье,

Где нос укутан в шарфик колкий,

Где угол — плата за веселье.

Где кубики «Гематогенки»

Ещё вкуснее шоколадки,

Где вечно сбитые коленки,

Где с промокашками тетрадки.

Где счастье — если мама дома,

Где горе — если спать ложиться,

И ничего ценней альбома,

И ничего страшнее «Мыться!»

Где примерзают руки к санкам,

И где ещё не стыдно плакать...

Вези меня вперёд, ледянка!

Ты знаешь, я умею падать!

Автор слов: Любовь Сердечная

Однажды её рука, привыкшая отворять лёгкие двери фантазий, наткнулась на одну такую. Она вспомнила.

Ей семь лет. Мамин ремень. Удар. Но в памяти, странным образом, не вспыхнула детская обида. Даже тогда, сквозь жгучий стыд и слёзы, она понимала: это заслужено. А сейчас, спустя десятилетия, сквозь прожитые годы, она чувствовала не боль от удара, а то, что чувствовала её мама. Тот сковывающий ужас, леденящую пустоту за часами безумного ожидания, когда исчезает твой ребёнок. Потому что она теперь тоже мать. И бабушка. И этот опыт стал переводчиком, расшифровавшим старую боль на новый лад.

В те далёкие, пахнущие пылью и тополиным пухом годы, летние дни растягивались, как резинка. Дворовая детвора носилась с утра до вечера: играла в «казаков-разбойников», в лапту, в «вышибалу». На столбе посреди двора висел засаленный листок — священный список всех возможных игр. По нему жили, как по расписанию. Вот и она, Аля, носилась как угорелая, в пыльных сбитых колготках, вся в царапинах и восторге.

Мимо их шумного царства по тропинке шли две фигуры — тётя Валя и двоюродная сестра Ольга.

— Аля! — крикнула тётя. — Пойдёшь с нами на хутор, к нашей бабушке?

Как забилося тогда её сердце! На хутор! Это была мечта — река, другой дом, свобода и бабушка...

У Алины не было бабушек, это была бабушка только Олина по маминой линии, а двоюродной сестрой она была по папиному родству. Отцы Алины и Ольги были родными братьями.

— Беги, спроси у своей мамы, отпустит ли.

Мама дома не было. А идти хотелось до слёз, до боли в животе. И тогда в ней родилось решение — маленькое, страшное, необратимое. Вернувшись к ждущим родственницам, она, не глядя им в глаза, выдохнула:

— Мама разрешила.

На хуторе, в нескольких километрах от поселка, время потеряло счёт. Они пробыли до позднего вечера, до первых сумерек. А в это время в её дворе поднялась тихая паника, которая к полудню переросла в настоящий шторм. Соседи, вся детвора — все искали её. Обшарили чердаки и подвалы, облазили ближайшие пустыри. И только к вечеру, когда солнце уже склонилось к лесу, какой-то мальчишка, запыхавшись, сказал: «Кажется, её видели... она с тётей Валец ушла в сторону реки».

Как бы она ни возвращалась к этому воспоминанию, самым ясным, выжженным в сознании кадром было не хуторское веселье, а лицо матери. Она встретила их на просёлочной дороге, когда они возвращались. Мама стояла неподвижно, как столб, в наступающих сумерках. На её лице не было гнева. Там было что-то гораздо страшнее — смесь ледяного облегчения, смертельной усталости и такой бездонной боли, что детское сердце Алины сжалось в комок.

Дома мама не сказала ни слова. Молча схватила ремень. Удар был жёстким, отчётливым. Но боль, которую Алина помнила до сих пор, шла не от кожи. Она прорывалась из самой глубины, от осознания того, какую рану, какую бездну страха она, своим побегом, причинила этому самому дороговому на свете человеку.

Это воспоминание стало одной из тех тяжёлых, но фундаментальных комнат в её лабиринте. Комнат, где хранится не вина, а понимание. Где боль прошлого, пропущенная через сердце взрослого человека, превращается не в шрам, а в урок любви, страшной в своей беззащитности.

Глава 2. Февраль

Самые сладкие воспоминания — те, что с запахом первой минуты.

Рождение детей. Для каждой матери это не просто дата в паспорте, не запись в карточке. Это разлом, после которого время делится на «до» и «после». И чем дальше уходят годы, тем чаще хочется возвращаться туда, где ты ещё не мать, но уже ею становишься.

Где воздух был другим. Где сердце билось за двоих.

Алина ловила себя на том, что прокручивает эти часы снова и снова. Как старую плёнку, где каждый кадр уже выцвел по краям, но середина — всё ещё горячая, живая, пульсирующая. Не отпускает.

Потому что это не просто воспоминания. Это места силы. Колодцы, из которых она пьёт, когда устаёт. Когда дети вырастают и уходят в свою жизнь, а она остаётся здесь — с их первым криком, первым вздохом, первым мгновением, когда они стали отдельно.

И она всё помнит. До минуты. До звука. До того, как дрогнули ресницы...

Февраль держал районный центр за горло.

За окном лежали сугробы — в пол человеческого роста, плотные, синеватые по краям, будто нарезанные ломтями. Железнодорожная станция гремела гружёными составами, а здесь, в тесной квартирке с печным отоплением и титаном в ванной, время спрессовалось в ожидание.

Алина сидела на краю дивана, положив ладони на живот. Внутри, девять месяцев подряд, жил боец. Она знала это ещё до того, как врачи пытались по своим замысловатым графикам вычислить пол ребёнка. Мальчик. Она просто знала. Он толкался локтями, выпячивал колено так, что живот вставал бугром, — соседки отводили глаза, будто видели что-то неприличное. А тут вдруг затих. Прислушался. Или сам испугался.

В шесть вечера Алину накрыло.

Сначала — волной. Потом — желанием лечь, свернуться в клубок, спрятаться внутрь себя. Дышать стало тесно. Сын молчал. И в этой тишине было больше смысла, чем во всех словах, которые она знала.

Щёлкнул замок.

На пороге стоял муж. Снял шапку, стряхнул снег с плеча, ещё не понимая, что мир уже сместился на полсантиметра.

— Подай тапочки, — сказал он расслабленно, даже не взглянув на неё. Будто сегодня — такой же день, как вчера. Будто завтра — тоже.

Алина подняла глаза. Спокойно. Твёрдо.

— Нет, дорогой. Возьми сам.

Она не повысила голос. Но что-то в этих словах щёлкнуло громче замка.

Муж замер. Посмотрел на неё — сначала в лицо, потом ниже, на руки, прижатые к животу, на побелевшие костяшки. И до него дошло.

Он заметался.

Квартира стала тесной. Он хватал то пакет, то полотенце, то собственные варежки, совал их в сумку, вынимал обратно, бормотал: «Что брать? Что брать?» Стекланные глаза, чужие руки. Алина смотрела на него и вдруг улыбнулась — одними уголками губ.

Он был смешной. Растерянный. Любимый.

А в животе мальчик наконец шевельнулся. Напомнил: я здесь. Я готов.

Февраль стоял за окном, сугробы росли, тапочки так и остались стоять в прихожей — никем не взятые. Но это было уже неважно.

Так, меж сугробов, протоптанных до земли, — узко, в полступни, чтоб разойтись нельзя, — Алина с мужем пробирались к больнице. Триста метров от дома. Триста метров по февралю, который не думал сдаваться.

В районном центре большого сельскохозяйственной области своего роддома не было. Была центральная районная больница с отделениями: детским, хирургическим, терапевтическим и, конечно, родильным. Туда-то и вёл свою Алину муж.

Он работал здесь же, врачом-анестезиологом. Знал каждый кабинет, каждую лампу, каждую сменщицу в приёмном покое. Знал, что сегодня дежурит лучшая акушерка, Танечка. Но сегодня он вошёл сюда не как доктор — как муж. И его обезоружили в ту же секунду.

— Дело это, Александр Иванович, не быстрое, — мягко, но непреклонно сказали сестрички, забирая у него из рук сумку. — Вы отдыхайте после тяжёлого дня. Как всё свершится — мы вам сообщим.

И вытолкнули за дверь.

Он остался на крыльце. Без шапки, без дела, без права быть нужным. Снег падал на стриженный затылок, таял и стекал за воротник. А он всё стоял, смотрел на закрытую дверь и не понимал: куда теперь деть руки?

Впрочем, долго отдыхать ему не пришлось.

Глава 3. Кровь

Когда старшие сёстры рассказывали Алине о родах, она думала: «Я не буду кричать. Нет, только не это. Кричать на всю больницу — как же стыдно...»

Но едва за ней закрылась дверь предродовой палаты, время сорвалось с цепи. Малыш явно торопился — и обещание, данное себе в тишине, разбилось о первую же волну боли. Она была такой силы, что Алина забыла, как дышать. Ей казалось, ещё миг — и тело взорвётся, разлетится осколками по белым кафельным стенам.

Тут вошла акушерка Танечка. Вошла — и словно принесла с собой в этот замкнутый мир кусочек обычной жизни. Танечка говорила, говорила без умолку: расспрашивала о маме,

о старших сёстрах, о племянниках — и Алина, преодолевая, сжимая зубы, отвечала. Сквозь пелену, сквозь огонь, сквозь гул в ушах.

Когда схватки слились в сплошной раскат, Танечка взглянула коротко и сказала просто: — Пора.

В родовой палате стоял жуткий холод. Алина взбиралась на высокий стол, ступая на шаткую табуретку, акушерка поддерживала её под локоть и всё говорила, говорила — и стук её голоса, ровный, как метроном, не давал провалиться в бездну.

Шёл третий час ночи.

А потом настало это. Минута. Секунда. Мгновение — вспышкой, фейерверком, взрывом безграничного счастья. Первый крик малыша ударил в тишину — и в этот миг, только в этот миг, плач ребёнка стал для матери самой желанной на земле музыкой.

Подхватив малыша, акушерка сказала:

— Мальчик!

И первой мыслью, пробившейся сквозь туман, было: «Слава Богу». Муж так ждал первенца. Для него сын — не просто ребёнок, а продолжение рода, фамилия, эстафета, переданная в надёжные руки.

Сестрички, дежурившие в ту ночь, то и дело заглядывали в родильное отделение. Им не терпелось узнать первыми и бежать к доктору — своему доктору, чтобы сообщить: у вас родился сын.

Новорождённого положили на соседний стол, рядом с мамой. И вот тут вместо обрезанной верёвочки появилась незримая ниточка. Та, что не рвётся уже никогда, ниточка любви, что будет вибрировать от боли и радости всю жизнь, соединять их теперь всегда — сквозь годы и расстояния.

Он больше не кричал. Лишь тихонько покрхтывал, синевя от холода, разлитого в воздухе родильной палаты. Заметив это, медсестра проворно пододвинула к столу тяжёлую лампу, и в её жёлтом круге началось таинство. Сначала малыша обернули в тёплую, словно хранящий жар тела, пелёнку, затем укутали в пушистое байковое одеяло. Пеленание было старым, «бабушкиным» способом: край одеяла ловко подвернули на голове, заведя его под самый подбородок. И вмиг из крошечного сморщенного существа получился важный, упитанный зверёк с надутыми щеками — точь-в-точь маленький бобёр, впервые выглянувший из своей хатки. Малыш не сопротивлялся этому преображению. Ему, казалось, было здесь уютно. Он словно обживался в этом только что обрётённом, большом и пока ещё холодном мире.

Сыночка унесли.

Алину накрыли одеялом и оставили лежать на столе. Веки тяжелели, тело наливалось сном, но вдруг — откуда-то издалека — возник звон в ушах. Тонкий, стеклянный. Он приближался. Это уже было однажды, и Алина вдруг отчётливо поняла, что случится дальше.

Обморок.

— Ой... — выдохнула она чужим, не своим голосом. — А мне, кажется, плохо...

Татьяна вбежала стремительно. И замерла.

Боже. С операционного стола тонкой, тёмной струйкой сбегала кровь. Под столом уже набиралась лужа.

— Держись! — голос акушерки ударил наотмашь. — Только не спать! Слышишь? Только не спать!

Страх не было. Не может ничего случиться — у неё теперь есть сын. Она не имеет права оставить его. Этот маленький свёрток счастья, этот тёплый комочек там, в детском отделении, нуждается в маме. Значит, сил хватит. На всё.

В палату вбежали сестрички из соседних отделений. Захлопали двери, зашуршали халаты, застучали каблуки по кафелю. Появился дежурный врач — и Алина, сквозь пелену,

узнала её. Вера Степановна. Главный гинеколог всей больницы. Хорошо. Значит, всё будет хорошо.

Голос у Веры Степановны был спокойный, будничный, будто она не кровотечение останавливала, а чай заваривала.

— Роженице срочно нужно переливание. Крови пока нет. Ставим капельницы с физраствором.

Пауза. Взгляд быстрый, цепкий.

— Определить группу крови. Срочно. Колите в обе руки. Ставьте капельницы. Быстро.

И дальше всё пошло чётко, слаженно, как отлаженный механизм. Алина слышала звуки, но они долетали до неё словно сквозь воду. Станные, влажные, чавкающие звуки. Будто кто-то тяжело идёт по болоту, вязнет и вытаскивает ноги с чавканьем.

Она не знала, что это её кровь прилипает к подошвам. И отлипает. С каждым шагом.

Глава 4. Одна кровь

В дверь квартиры тарабанили так, что, казалось, сейчас с петель слетят не только хлипкие доски, но и сама дверная коробка. Тяжёлый, настойчивый стук ворвался в сон Александра Ивановича, разрывая тишину на части.

— Александр Иванович! Вставайте! У вас сын родился!

Сон сдуло мгновенно, словно порывом ледяного ветра. Он сел на кровати, моргая и пытаясь осознать услышанное. Сын? Сын!

— Ооо! — вырвалось из груди само собой. Губы растянулись в широкой, почти детской улыбке. — У меня сын! Сын!

Чувства переполняли его через край — радость, гордость, восторг и какое-то щенячье нетерпение. Вскочив с постели, он на ходу натянул брюки, рубаху, сунул ноги в сапоги и, путаясь в рукавах пальто, вылетел на лестничную клетку. Туда, где его уже ждала новая жизнь.

Путь до больницы пролетел как одно мгновение. Влетев в прохладный вестибюль, он почти столкнулся с женщиной в белом халате, которая ждала его у дверей приёмного покоя.

— Александр Иванович, — строго, но с нотками усталости спросила она, окидывая его взглядом. — У вас какая группа крови?

Александр замер на месте, сбитый с толку этим вопросом. Радостное возбуждение сменилось недоумением.

— Что? Группа крови? Зачем вам моя группа крови? — переспросил он, чувствуя, как внутри закрадывается холодок тревоги.

Медсестра ничего не ответила. Она лишь пристально посмотрела ему прямо в глаза. В этом долгом, тяжёлом взгляде было что-то, отчего у Александра оборвалось сердце. И тут же, без лишних слов, пришло леденящее понимание. С женой что-то случилось. Что-то страшное.

Он сглотнул, прогоняя ком в горле, и голос его, вопреки внутренней дрожи, прозвучал твёрдо и спокойно:

— Такая же, как у моей жены.

В палате было белым-бело. Белые стены, белый потолок, белый свет больничных ламп. Сквозь эту стерильную, ватную пелену Алина увидела приближающийся силуэт. Человек в белом халате, в маске, закрывающей лицо до самых глаз. Она смотрела на эти глаза, такие родные и любимые, и вдруг узнала. К горлу подступили слёзы, но не от боли, а от неожиданного, всепоглощающего облегчения. На душе стало спокойно. Тихо. Теперь всё будет хорошо. Он рядом. Он не отпустит.

До самого утра Александр Иванович не сомкнул глаз. Он стоял возле кровати жены, держа её за руку, и неотрывно следил за прозрачной трубкой капельницы. Он видел, как его кровь, алая, густая, капля за каплей, медленно и бережно перетекает в вены его Алины, восполняя то, что она потеряла, даря ей жизнь.

Когда за окном забрезжил рассвет, он склонился к самому её уху и, улыбнувшись сквозь усталость и пережитый ужас, еле слышно прошептал:

— Теперь мы с тобой, Аля, по-настоящему кровно породнились. Навсегда.

Глава 5. Рождение дочери

Ожидание и рождение дочери, спустя семь лет, как и рождение сына, тоже оказалось с приключением. Алина любила говорить, что её дети появляются на свет не иначе как с выдумкой, будто заранее договариваются с судьбой, чтобы та подкинула им испытаний. Но разница между этими двумя событиями была огромной — целых семь лет и десять месяцев. Семь лет, за которые Алина успела забыть, каково это: ждать. Бояться. Надеяться.

В тихие вечера, когда дети уже спали, а муж смотрел новости по телевизору, Алина возвращалась в памяти к этим дням. Они грели её, как старый плед. Как кружка чая, которую держишь в замёрзших руках. Она закрывала глаза — и снова оказывалась там.

Макеевка. Весна. Начало.

Она узнала о своей беременности, когда проходила курсы повышения квалификации в Донецке. Месяц лекций, семинаров, зачётов. А жила она у своей сестры Кристины в Макеевке — совсем недалеко от центра Донецка, минут пятнадцать на троллейбусе.

Кристина всегда встречала её с порога: «Ты голодная? Садись есть!» — и Алина садилась. И ела. И почему-то всё время хотелось спать.

Это началось не сразу. Сначала просто усталость — ну кто на курсах не устает? Потом — тяжесть в теле, будто на плечи повесили невидимый рюкзак. А потом случилось то, что Кристина заметила первой.

Каждое утро, за полчаса до выхода из дома, Алина садилась в кресло. Садилась, клала руки на подлокотники — и глаза сами собой закрывались. Не хотелось ни пить, ни есть, ни даже говорить. Просто сидеть. Слушать тишину. Дышать.

— Алина, — сказала однажды Кристина, глядя на неё с кухни, уперев руки в бока. — Ты точно беременна. Все признаки налицо.

Алина открыла один глаз, потом второй. Мыслей о беременности у неё не было совсем. Ну как совсем? Где-то глубоко, на самом дне сознания, ворочалось смутное «а вдруг».

— Да с чего ты взяла? — сонно пробормотала она.

— С того. Сонная. Ешь за двоих. И глаза у тебя... такие. Беременные.

— Не бывает глаз беременных, — усмехнулась Алина.

Потому что Кристина была старшей. А старшие сёстры, как известно, ошибаются редко. «Я беременна!»

Время шло. Курсы подходили к концу. Алина сдала последний зачёт, вышла из института и села на троллейбус. Ехала мимо знакомых улиц, мимо витрин, мимо людей, которые куда-то бежали. И вдруг — будто щёлкнуло что-то внутри. Тихо. Но отчётливо.

Она вышла на своей остановке, прошла два квартала, поднялась на шестой этаж и открыла дверь своим ключом. Кристина мыла посуду на кухне, спиной к входу.

— Крис, — сказала Алина. Голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я беременна!

И сказала она это так громко и так торжественно, будто объявляла о запуске ракеты в космос. Слова вылетели сами, без разрешения, и повисли в воздухе — тяжёлые, живые, настоящие.

Сестра медленно повернулась, вытирая руки о полотенце, и на лице её сначала появилось изумление, потом — широкая, во всё лицо, улыбка.

— Ну вот, — сказала она, — а ты не верила.

— Я верила, — соврала Алина. И обе рассмеялись.

Загадывание

Вечером они сидели на кухне. Пили чай с мятой и вареньем из чёрной смородины — Кристина варила его сама, густым, как в детстве.

Кристина смотрела на Алину долго, прищурившись, как будто видела что-то, чего не видели другие. Потом отставила кружку и сказала:

— Ну всё, загадывай.

— Что загадывать?

— Как что? Чтобы у тебя была девочка. И чтобы у неё были красивые волосы.

Алина удивилась. Странное пожелание. Не «здоровая», не «счастливая», не «умная». А именно — красивые волосы.

— Почему волосы? — спросила она.

Кристина пожала плечами. И тут же, как будто спохватившись, добавила:

— И чтобы она была похожа на тебя. А волосы... ну, волосы — это красиво. Девчонка должна быть красивой. А красивые волосы — это как корона. Без короны какая же принцесса?

Никто не знает, почему она так сказала. И сама Кристина, спустя годы, не могла объяснить. Не было у неё никаких видений, никаких пророческих снов. Просто — встало в голове, и всё. Как песня, которую напеваешь, сама не зная откуда.

— Хорошо! — сказала Алина. Она чувствовала, как внутри разливается тепло — не от чая, от чего-то большего. — Загадываю! Девочку с красивыми волосами.

Они чокнулись кружками. Чай расплескался на клеёнку — вишнёвыми пятнами, похожими на маленькие сердца.

Прошёл апрель, а за ним и май. Наступило жаркое, душное лето — время отпусков, мороженого и беззаботности. Алина вместе с семьёй отправилась к родителям мужа, ближе к Азовскому морю. Она была счастлива: внутри неё росла новая жизнь, и каждый день казался наполненным особым, трепетным светом.

Самым ранним утром мужская половина семьи ушла на рыбалку. Алина провожала их сонной улыбкой и ничего, совершенно ничего не предчувствовала. Её душа была спокойна, как утреннее небо над морем.

Она встала с постели — и вдруг мир рухнул. Ярко-красное пятно на простыне. Кровь.

Невозможно передать словами, что чувствует женщина в такой момент. Это не просто страх. Это ледяной ужас, который сковывает тело изнутри. Это острая, режущая душевная боль за тот крошечный живой комочек, который теплится у неё под сердцем. Комочек, которого она ещё ни разу не держала на руках, но уже любила так сильно, что эта любовь разрывала грудную клетку.

— Нет! — беззвучно закричала Алина. — Только не это.

Сколько раз она представляла, как возьмёт малыша на руки. Сколько раз гладила свой пока ещё почти незаметный живот и шептала: «Запомни это, запомни на всю жизнь. Каждый миг, пока ты носишь под сердцем целую вселенную».

Алина осторожно, словно каждое движение могло стать роковым, легла на кровать. Сложила дрожащие ладони на животе — пытаюсь защитить, согреть, удержать. Она боялась пошевелиться, боялась дышать. По щекам катились крупные, горячие слёзы. Время остановилось. Мир за окном перестал существовать.

В комнату зашла свекровь.

— Алина, почему ты не идёшь завтракать? — голос её звучал бодро, по-утреннему легко.

— У меня кровь... — выдохнула Алина. Только и смогла. Голос прервался, слова застряли в пересохшем горле.

Свекровь побледнела и заметалась по комнате, ломая руки:

— Что же делать? Что же делать? Господи...

— Давайте подождём, когда все вернутся с рыбалки, — неуверенно предложила свекровь. — Они должны быть уже рядом с домом.

Крови больше не было. Но страх никуда не ушёл. Он поселился внутри, тяжёлый, как свинец. Алина лежала на кровати неподвижно, как застывшая мумия. Только сердце бешено

колотилось где-то в горле, и в голове стучала одна-единственная мысль: «Только бы ты выжил, малыш. Только бы ты остался со мной».

Эта история закончилась хорошим концом. Врач местной больницы, осмотрев Алину, мягко улыбнулся и сказал, что опасности нет. Но настоящее спокойствие пришло к ней не от слов доктора — а из глубины. В какой-то момент она отчётливо ощутила слабый, но уверенный толчок маленькой ножкой. Этот робкий «стук» изнутри отозвался теплом в груди: *жив, шевелится, значит, всё будет хорошо*.

Однако радость омрачила реальность. УЗИ было необходимо, но в этой больнице, как и во многих тогда, оборудования не было. Такие были времена — приходилось надеяться только на чудо и свои силы.

Отпуск закончился внезапно, на самой светлой ноте. Теперь нужно было срочно возвращаться домой и бежать искать, где можно заглянуть внутрь этого маленького мира.

Алина с мужем отправились в соседний город Шахтёрск. Всю дорогу она держала мужа за руку так крепко, что побелели костяшки. В машине стояла тишина, но каждый из них слышал, как гулко стучит сердце другого. Это был очень волнительный момент. *Сегодня они узнают, кто же там прячется*.

В кабинете пахло лекарствами и стерильностью. Алина легла на кушетку, боясь дышать. Муж замер у двери. Врач внимательно всматривался в экран монитора, водил датчиком по животу, и каждая его остановка заставляла сердце Алины замирать, а потом биться чаще.

— У вас всё хорошо, — наконец произнёс он спокойным, убаюкивающим голосом. — Видно, что была небольшая отслойка плаценты, но сейчас всё зажило, угрозы нет.

Алина выдохнула — такой глубокий, долгий выдох, будто несла тяжёлый мешок и наконец поставила его на землю.

— Доктор... ну скажите же, — голос мужа дрогнул, — кто у нас? Девочка или мальчик?

Врач улыбнулся и ткнул пальцем в мерцающую точку на экране:

— Тут отчётливо видно. У вас будет *девочка*.

Эти слова упали в тишину, как самый драгоценный камень. Алина почувствовала, как по щекам текут слёзы — горячие, солёные, невыразимо счастливые. Муж схватил её за руку и прижал к своим губам, и она ощутила, как его пальцы мелко дрожат.

Они вышли на улицу. Город Шахтёрск встретил их ярким, почти нереальным светом. Солнце заливало тротуар, лужи после дождя сверкали как осколки зеркал. Алина шла и чувствовала, что парит — её тело стало невесомым от счастья. Муж обнимал её за плечи и всё время смотрел на неё, будто видел впервые.

Они улыбались друг другу так широко, что люди на улице оглядывались и невольно улыбались в ответ. Эта пара светилась изнутри — той самой редкой, настоящей радостью, которую невозможно подделать.

Они шли и всё повторяли, словно молитву, словно заклинание, словно боялись, что это сладкое наваждение исчезнет:

— У нас будет девочка. У нас будет девочка...

Алина положила ладонь на живот и снова почувствовала лёгкий толчок. *Слышишь, маленькая? Мы тебя уже любим*, — подумала она. И впервые за последние дни её сердце пело.

Время ожидания потянулось медленно, как густой мёд. Каждый день был наполнен трепетом и тихой радостью. Алина готовилась стать мамой во второй раз, и это чувство было совсем иным, чем в первый: более осознанным, спокойным и глубоким. Вся большая семья жила в предвкушении пополнения. С замиранием сердца ждали бабушки и дедушки, тёти и дяди, племянники и племянницы. Но больше всех — брат малышки, Тёма.

Он часто подходил к Алине, осторожно, кончиками пальцев, гладил её округлившийся живот и что-то шептал. Она не слышала слов, но чувствовала, как тепло разливается в груди. *«Они уже любят друг друга»*, — думала Алина, глядя на его серьёзное лицо.

Первого сентября Артёмка пошёл в первый класс. Это был волнительный день: накрахмаленная рубашка, огромный букет, белые банты у одноклассниц. Первое время Алина с мужем провожали его до школы — держа за маленькую ладошку, чувствуя, как он волнуется. По вечерам они втроем сидели над прописями, и Алина ловила себя на мысли, что совсем скоро таких тихих вечеров станет меньше. И от этого становилось чуть грустно и бесконечно тепло.

Пришла зима. В поликлинике поставили срок родов — середина декабря. Алина взяла направление, вышла на крыльцо и замерла. В воздухе пахло снегом и приближающимся праздником. Но внутри кольнуло: *«Только бы не тринадцатого»*. Она никогда не была суеверной, никогда не обходила чёрных кошек и не стучала по дереву. Но здесь, на сносях, интуиция обострилась до звона. Она ловила себя на том, что несколько раз перепроверяет календарь, мысленно уговаривая судьбу: *«Любое число, только не это»*.

И вот наступило 13 декабря. День прошёл на удивление спокойно. Алина занималась домашними делами, смотрела, как за окном кружит снегопад, и постепенно отпустила тревогу. На улице стало темнеть, на город напознала ночь — густая, фиолетовая, с низким небом.

— *Слава богу!* — выдохнула она, глядя на часы. Одиннадцать вечера. До полуночи оставался час. — *Пронесло.*

Она легла в постель, укрылась одеялом, чувствуя, как муж тепло дышит в затылок. Закрыла глаза. Уснула почти сразу — уставшая, но спокойная.

Ровно в 12 часов ночи её разбудил внутренний звоночек. Что-то изменилось. Не боль — нет, скорее глубокая, тянущая волна, прокатившаяся от поясницы к низу живота. Алина замерла, прислушиваясь к себе. Сердце забилося часто-часто. Она поняла: *началось*.

Тихо, чтобы никого не разбудить, она выскользнула из-под одеяла. Босиком, по холодному полу, прошла в коридор. Начала ходить взад-вперёд — размеренно. С каждой схваткой она останавливалась, опиралась рукой о стену и дышала — глубоко, протяжно.

— Алина? — раздался сонный голос мужа. Он стоял в дверях спальни, щурясь от тусклого ночника. — Ты чего ходишь туда-сюда?

— Кажется... началось, — выдохнула она, и в голосе её дрожала не только боль, но и странная, щемящая радость.

Александр мгновенно проснулся. Вскочил, начал лихорадочно собираться:

— Я вызываю скорую!

— Нет, не надо! — Алина поймала его за руку. — Ночь на дворе... Зачем людей беспокоить?

— Ты странная, Алина! — он растерянно смотрел на неё. — Это их работа!

— Больница недалеко. Мы пешком дойдём, — она говорила спокойно, хотя внутри всё сжималось от новой волны. — Давай засечём схватки. Если нечастые — можно ещё дома побыть.

Он вздохнул, понимая, что спорить бесполезно. Достал часы. Сели на кухне — она на стул, он на корточки перед ней, считая секунды между волнами.

Так они пробыли дома до трёх часов ночи. Александр посмотрел на часы, потом на жену — на её побелевшие губы, на лоб, покрытый испариной — и сказал твёрдо:

— Пора. .

Алина молча кивнула. Оделась: тёплый пуховик, сапоги на плоском ходу, шапка, шарф. В лифте спускались молча — он обнимал её за плечи, она сжимала его пальцы.

Они вышли из подъезда — и замерли.

Стояла такая красивая ночь. В свете жёлтых фонарей тихо и плавно падали огромные хлопья снега — мягкие, пушистые, как перья сказочной птицы. Снег искрился, переливался, и казалось, что вокруг не город, а хрустальный шар, в котором застыло волшебство.

Алина подняла лицо к небу, и снежинки таяли на её щеках, смешиваясь с неожиданными слезами. *«Почему я плачу? От страха? От счастья?»*

Во дворе бегала большая собака — борзая с длинной, струящейся шерстью. Кто-то из жильцов выпускал её на ночь побегать, и она носилась по свежему снегу, оставляя причудливые следы. Увидев Алину, собака вдруг остановилась, наклонила голову и затем мягко, почти неслышно подбежала к ней.

Она уткнулась носом в её ноги — прямо в тот миг, когда началась новая схватка. Алина охнула, согнулась, и собака не отходила: стояла рядом, тёплая, лохматая, с умными глазами, словно чувствовала, что внутри зреет новая жизнь.

— Она тебя охраняет, — тихо сказал Александр, поддерживая жену под локоть.

Они пошли. Александр поддерживал Алину за руку, вёл её в сторону больницы, где сам работал. Шли медленно — целая вечность уместилась в эти несколько кварталов. Когда началась схватка, они останавливались. Алина постанывала, цеплялась за мужа, а собака тут же подходила и упиралась носом в её ноги — твёрдо, надёжно, словно говоря: *«Я здесь. Ты не одна»*.

Так они и прошли этот путь — втроём. Женщина, мужчина и собака. Под снегопадом. Сквозь ночь. Навстречу новой жизни.

Собака проводила Алину до самых дверей приёмного покоя. Остановилась, посмотрела в глаза долгим, серьёзным взглядом — и села на снег, не уходя. Александр обернулся, хотел что-то сказать, но только кивнул.

«Спасибо тебе,» — беззвучно прошептала Алина, переступая порог.

Внутри пахло теплом и йодом. Впереди были часы. Впереди была боль. И самое большое счастье, которое только можно испытать.

Глава 6. Драгоценный свёток

Александр бережно, словно хрусталь, передал Алину из рук в руки медсёстрам в родильном отделении и замер. Провожая жену взглядом, он вдруг осёкся:

— Надо же сделать перидуральное обезболивание. Сейчас переоденусь — и займусь.

— Ты будешь на родах? — Алина вмиг напряглась, в голосе прозвучала решительная нотка. — Нет, ни за что!

Она перевела дыхание и добавила мягче, но твёрже:

— У нас Артёмка один дома. Его надо собрать, накормить и проводить в школу.

Александр на мгновение задумался, потом кивнул:

— Хорошо. Провожу — и сразу вернусь.

Алина незаметно выдохнула — с облегчением, словно гора с плеч. Она была совершенно не готова рожать в присутствии мужа. Этот процесс казался ей чем-то слишком сокровенным, почти диким, и она боялась показаться слабой или смешной перед ним.

Её проводили в предродовую палату. Схватки набирали силу, как морской прилив — сначала неспешно, потом всё яростнее. В открытую дверь Алина видела, как поступила ещё одна женщина.

— Лиля, — представилась та медсестре.

Алина усмехнулась про себя: *«Везёт же мне на Лиль... Хотя имя-то редкое, красивое. Но откуда они берутся именно в такие минуты?»*

Лиля сидела на стуле, тихо постанывая, отвечала на вопросы, а потом вдруг сказала спокойно, даже буднично:

— Ой, а я уже рожаю.

Медсестра вмиг подскочила, подхватила её под руку и почти бегом повела в родовой зал.

«Везёт же людям», — подумала Алина с лёгкой завистью и тут же устыдилась этой мысли.

Но долго ждать не пришлось. Вскоре пришла акушерка — строгая, но добрая — и жестом позвала за собой.

В большом, залитом белым светом помещении для родов оказалось два кресла. На одном уже тужилась Лиля, на другое помогли лечь Алине. Так они и рожали вместе — две незнакомки, ставшие на этот час почти сёстрами по боли и надежде.

И вот наступил тот самый момент, который невозможно забыть, даже если проживёшь сто жизней.

— Девочка! — услышала Алина сквозь шум в ушах.

Акушерка хлопала малышку по попке раз, другой, третий — молчание. Сердце Алины на миг остановилось. Но вот раздался тоненький, требовательный, первый в этом мире крик. И вместе с ним Алина почувствовала такое облегчение, будто из неё вынули всю тяжесть вселенной.

Девочку унесли. Алина лежала одна, смотрела в потолок, и по щекам текли горячие слёзы.

Она точно знала: это не боль и не усталость. Это счастье. Огромное, необъятное, выплывающее через край.

В коридоре зазвонил телефон. Голос медсестры долетел до родильного зала:

— Да, Александр Иванович... Поздравляю! У вас родилась девочка. Три килограмма девятьсот граммов, рост пятьдесят пять сантиметров.

«Не успел», — с неожиданной нежностью подумала Алина. — «Всё равно не успел. И слава богу».

Позже, когда её перевели в послеродовую палату, дверь бесшумно открылась. На пороге стоял Александр — весь в белом, непривычно растерянный, но сияющий. А на руках он держал маленький свёрток, самый драгоценный в их жизни.

— Я её сам умыл, — сказал он тихо, с гордостью, и осторожно положил свёрток рядом с Алиной.

Они замерли, склонившись над крошечным личиком. Губы, нос, ресницы — всё было совершенным, как в старинных фарфоровых куклах. И вдруг девочка медленно, торжественно открыла глазки.

Голубые. Чистые, как весеннее небо. Такие же, как у мамы.

Она смотрела на них — спокойно, внимательно, будто узнавала. И в этот миг время остановилось. Вся боль забылась, все тревоги растаяли. Остались только трое — папа, мама и этот маленький человек, который только что подарил им бесконечность.

Часть вторая. Посёлок Красный Октябрь

Глава 1. Точка на карте

Алина родилась в шахтёрском посёлке.

Он был таким маленьким, что у его улиц не было названий. Совсем. Представьте себе: почтальон приносит письмо, а на конверте написано только: «Посёлок Красный Октябрь, дом 9, квартира 6». И всё. Ни улицы Ленина, ни Советской, ни Шахтёрской. Просто номер дома — и почтальон, который знал каждый уголок, каждый закуток, каждую собаку в округе, всегда находил адресата. Он шёл по тропинкам, по деревянным мосткам через канавы, стучал в нужную дверь и говорил: «Вам письмо, распишитесь».

Посёлок возник на заре двадцатого века, когда геологи нащупали под землёй чёрное золото. Сначала была просто степь, потом появились первые палатки геологов, потом бараки, потом деревянные дома — и вот уже на карте Донбасса появилась новая точка. Маленькая, но гордая. «Красный Октябрь» — имя, данное с надеждой на светлое будущее.

Это типичный рабочий посёлок, находящийся вблизи промышленных зон Макеевки, история которого связана с развитием угольной и металлургической промышленности региона, и в пяти километрах от реки Кринка.

Глава 2. Храм культуры

В самом сердце этого мира стоял КЛУБ.

С большой буквы, потому что иначе его не называли. Для местных жителей это был не просто клуб — это был местный Парфенон, храм культуры, дворец искусств, куда стекалась вся жизнь.

Он и выглядел величественно. Представьте себе: широкая лестница с бетонными ступеньками, ведущая к высокому крыльцу. Массивные колонны по бокам — настоящие, белые, подпирающие фронтон. А на фронте... На фронте не было изображения рождения Афины из головы Зевса, как полагается настоящему Парфенону. Там располагались окна библиотеки. Большие, светлые окна, за которыми, как за стеклянным берегом, жили книги. Алина могла стоять под этими окнами и смотреть, угадывая, какие истории спрятаны внутри. У неё даже имелся читательский билет — картонная книжечка с фамилией, которую она носила как пропуск в другой мир.

По бокам от клуба стояли два постаменты. На одном, слева, стоял Ильич — бронзовый Ленин с протянутой рукой, указывающий путь в светлое завтра. А вот кто должен был находиться на втором постаменте, справа, никто точно не знал. Постамент стоял пустой, но старики перешёптывались, что раньше там был Сталин. Потом его убрали, а следы остались. Аля, пробегая мимо, всегда косилась на этот пустой пьедестал — он казался ей таинственным, как дверь в никуда.

Внутри клуба жизнь была ключом. Кружки гудели детскими голосами: здесь учили вышивать крестиком, строгать табуретки, петь в хоре и читать стихи со сцены. В кинозале по выходным крутили фильмы. А по вечерам со сцены гремел самодельный вокально-инструментальный ансамбль — ВИА. Ребята-самоучки, без единой нотной грамоты, без музыкального образования, выжимали из настоящих инструментов такое, что стены дрожали. Ударные грохотали, как шахтёрский забой, соло-гитара визжала, бас гудел, а ритм-гитара держала каркас. Это был не просто шум — это была жизнь.

Глава 3. Красный галстук

В этом КЛУБЕ Алину принимали в пионеры.

Это было почётно. Очень почётно. Такая честь предоставлялась только лучшим ученикам — тем, кто учится на четвёрки и пятёрки, кто не опаздывает, кто поливает цветы в классе и помогает отстающим. Алина подходила.

Тот день она запомнила на всю жизнь.

Актёрский зал клуба был полон. Строгие ряды пионеров в белых рубашках, взволнованные родители в задних рядах, учителя с серьёзными лицами. Пахло мастикой, которой натирали паркет, и лёгким волнением. И вот — торжественный марш. Под звуки горна и дробь барабана в зал внесли знамя дружины имени Павлика Морозова — мальчика, который для всех тогда был героем. Знамя было алое, с бахромой, с изображением пионерского значка и надписью: «В борьбе за дело Коммунистической партии Советского союза — Будь готов!». Пионервожатая, старшеклассница с двумя косичками, несла его торжественно, как святыню.

Алину вызвали на сцену. Она поднялась по ступенькам, чувствуя, как колотится сердце. Старшая пионервожатая повязала ей на шею красный галстук — настоящий, шёлковый. Концы галстука трепетали на ветру от распахнутой двери.

— Будь готова! — раздался звонкий голос.

— Всегда готова! — ответила Алина, вскидывая руку в салюте, и голос её дрогнул от счастья.

Потом всю дружину оставили в зале смотреть фильм. Крутили «Неуловимых мстителей» — про гражданскую войну, про отважных ребят, которые скачут на лошадях и стреляют из наганов. Алина смотрела, затаив дыхание, и красный галстук жёг шею, напоминая: теперь она тоже часть чего-то большого и важного.

А после фильма они с подружкой выбежали на улицу. Был тёплый весенний вечер, солнце клонилось к закату. Девочки расстегнули куртки — специально, чтобы все видели: на груди

алеют галстуки. Бежали домой вприпрыжку, смеялись, и ветер путался в волосах, и казалось, что так будет всегда.

Глава 4. Танцы и индийское кино

С клубом было связано ещё много воспоминаний.

Алина занималась здесь народными танцами. Танцевальный кружок вела худенькая женщина с пучком на затылке, которая хлопала в ладоши и считала: «И-раз, и-два, и-три!» Алина любила эти занятия. Любила, когда надевала яркий костюм: сарафан с вышивкой, кокошник, расшитый бисером, лаковые туфельки. Любила выходить на сцену под аплодисменты, кружиться в хороводе, чувствовать себя настоящей артисткой.

А ещё они с подругой бегали на индийские фильмы. Мама Ленки работала в клубе билетёршей — сидела у входа с катушкой билетов и строгим взглядом. Но для своих делала исключение. Когда начинался сеанс, она открывала боковую дверь и тихонько шептала: «Быстро, быстро, пока никто не видит!» И девчонки проскальзывали внутрь, как мышки, рассаживались на первые свободные места и замирали.

Индийское кино было особенным. Там все пели и танцевали, там была любовь, которую в жизни не увидишь, там красавицы в сверкающих сари убегали от злодеев, а героини с усами всех побеждали. Алина смотрела широко раскрытыми глазами и верила, что где-то есть такая же яркая жизнь.

Глава 5. Первая награда

Как-то раз Кристина с подругой затащили Алину на школьный праздник. Он проходил в том же клубе, на сцене кинозала. Алине было лет шесть, не больше.

Она бежала за сестрой, очень торопилась — боялась опоздать, пропустить самое интересное. А мама кричала вслед из дверей:

— Алина, переодень платье! Оно же всё испачканное, ну куда ты?

Но куда там! Праздник начинался, сестра уже скрылась за дверями клуба, и Алина влетела в зал, запыхавшаяся, счастливая и совершенно забывшая про платье.

Началась викторина. Ведущая загадывала загадки, дети выкрикивали ответы. Кристина, сидевшая рядом, пихала Алину локтем и шептала ответы прямо в ухо. Алина, недолго думая, вскакивала с места и громко выкрикивала их на весь зал. Ей было весело, она чувствовала себя умной и ловкой.

И вдруг:

— Девочка в белом платье, выйди на сцену!

Алина замерла. Белое платье? Это про неё? Она оглянулась. Все смотрели на неё. Кристина подтолкнула: «Иди!»

Алина поднялась на сцену, чувствуя, как горят щёки. Ведущая улыбалась, держа в руках книгу.

— Ты сегодня ответила больше всех. Вот тебе награда — книга сказок. Молодец!

Зал захлопал. Алина взяла книгу дрожащими руками, прижала к груди и спустилась со сцены, ничего не видя от счастья. Это была её первая награда в жизни. Книга с картинками, пахнувшая типографской краской, — неужели это всё ей?

Но пока она шла к своему месту, пока садилась, пока Кристина хлопала её по плечу и шептала: «Молодец!» — в голове стучала одна мысль. Нехорошая мысль. Тревожная.

Она опустила глаза на платье. На подоле темнело пятно — то самое, из-за которого мама просила переодеться. Алина вышла на сцену перед всеми в грязном платье. И получила награду. И все видели.

Радость смешалась со стыдом. Книгу она потом прочитала от корки до корки, но тот вечер запомнила навсегда: запах клуба, аплодисменты, тяжесть книги в руках и этот подол с пятном, который жжётся сквозь годы.

Глава 6. Всё своё

В посёлке было всё для жизни. Своё, родное, не городское, но настоящее.

Школа — двухэтажная, кирпичная, с высокими окнами и спортзалом, где пахло потом и резиной от матов. Детский сад на четыре группы — туда Алина не ходила, но помнила, как тётя Зоя, мамина подруга, работавшая там нянечкой, привела её туда на один день. Алина помнила мальчишку, который показывал ей язык.

Магазины. Их было несколько, и каждый со своим лицом.

«Продукты» — главный магазин, где продавали всё: масло, колбасу и, конечно, конфеты. Вспоминая, Алина видела стеклянную витрину, за которой лежали красивыми пирамидками шоколадки «Алёнка» и конфеты «Гулливёр».

«Хозтовары» — там можно было купить вёдра, тазы, верёвки, гвозди, краску. Отец часто ходил туда за инструментами, брал Алину с собой, и она с интересом разглядывала полки с блестящими молотками и пахучими кистями.

«Хлеб» — маленький магазинчик, где всегда тепло и пахнет сдобой. Продавщица тётя Шура знала всех в лицо. Детвора часто покупала здесь сдобные булочки по девять копеек.

«Овощи» — этот магазин находился в подвальном помещении. Туда вели бетонные ступеньки вниз, и внутри всегда было прохладно, даже летом. Пахло сыростью, картошкой и капустой. Навалом лежали мешки с луком, морковкой, свёклой. Алина любила заходить туда с мамой — там было таинственно, как в погребе у бабушки.

Был даже книжный магазин — маленький, в одну комнатку, но какой! Там продавали не только книги, но и школьные принадлежности. Детвора часто бегала туда покупать ручки — обычные, синие, и особенные, с разноцветной пастой, и блокнотики — в клеточку, в линейчку, с картинками на обложках. Алина могла стоять у прилавка полчаса, выбирая, какую ручку купить на те копейки, что мама давала на карманные расходы.

И был магазин под названием «Дежурный». Время в нём текло по особому расписанию.

В шесть утра, когда посёлок только просыпался, сюда привозили молоко. Свежее, в больших бидонах. И сразу же выстраивалась очередь — женщины в ярких платочках, с бидончиками в руках, с авоськами, в которых позвякивали пустые бутылки из-под сливок и ряженки. Они переговаривались, делились новостями, поглядывали на дверь: скоро ли откроют?

А вечером, когда шахтёры выходили из клетки после смены, очередь вилась уже за пивом. Мужчины — с чёрными кругами угольной пыли вокруг глаз, усталые, степенно обсуждали насущное: у кого лава встала, кого премировали, что в мире творится. Пиво было разливное, в кружках, с пеной, и пахло оно солодом и усталостью.

Глава 7. Общежития и киоск

Возле магазинов стояли два общежития. Одно женское, другое мужское — остатки послевоенных лет, когда в посёлок приезжала завербованная молодёжь. Пацаны и девчонки с разных концов страны — из разорённых деревень, из городов, где не было работы — съезжались сюда, под землю, за длинным рублём и новой жизнью. Их селили в эти общежития, по пять человек в комнату, с железными кроватями и тумбочками.

В этих общежитиях, когда были совсем молодыми, жили отец и мама Алины. Там они и встретились. Там и полюбили друг друга.

Потом, когда общежития потихоньку расселяли, в одном из них открыли ателье. В том самом, где когда-то жил отец, он теперь там работал — шил, чинил, перешивал. Запах ткани, стук швейной машинки, сантиметровая лента на шее — таким Алина помнила отца на работе.

А в другом общежитии открыли парикмахерскую. Туда мама водила Алину стричься. Воздух там был густой и особенный: настоящий на мужском одеколоне и чём-то неуловимо женском — то ли духах, то ли лаке для волос, то ли самих женщинах, которые делают себя красивыми. Этот запах хотелось вдыхать и выдыхать, угадывая в нём секреты.

Мастер в белоснежном халате, пахнущем чистотой, легко щёлкала ножницами над головой — вжик-вжик, вжик-вжик. Под тяжёлыми колпаками сушиаров, как под большими белыми

грибами, сидели женщины, уткнувшись в журналы. Мелькали страницы «Работницы» и «Крестьянки» с картинками модных стрижек. Женщины казались Алине сказочными существами из другого измерения — такими спокойными, красивыми и далёкими.

Но самое волшебство происходило перед стрижкой. Парикмахер брала раскладную бритву, и та с тихим металлическим щелчком выпускала своё жало. И начинался ритуал: бритва скользила по кожаному ремню — взад-вперёд, взад-вперёд, с тихим, шипящим звуком. Это было завораживающее зрелище. Алина смотрела во все глаза и не могла постичь: как простая сталь может стать настолько острой, что срезает волосы невесомо, будто их и не было?

Рядом с этой опасной, острой красотой на столике всегда стоял стеклянный пузырёк — полная противоположность бритве. От него не веяло риском, только загадкой. К пузырьку тянулась тонкая резиновая трубочка, а на конце её висела пузатая груша, похожая на маленькую бледную каплю.

Это устройство Алина любила даже больше, чем бритву. Она замирала, когда парикмахер брала пузырёк в руки и с той же мягкой улыбкой спрашивала у клиента: «Вас освежить?» И если клиент согласно кивал, мастер ловко сжимала грушу, набирала в неё воздух, а затем — одно движение, и в воздухе взмывало прозрачное, пахнущее облако.

Мельчайшие капли одеколона долго дрожали в воздухе, сверкали в свете ламп и оседали на плечи, на волосы, на журналы. И запах — тот самый, который Алина вдыхала при входе, — становился таким густым, что его можно было трогать руками. В этот момент парикмахерская переставала быть просто парикмахерской. Она становилась местом, где жило настоящее чудо.

Всё это — и острая бритва, поющая на ремне, и волшебный пузырёк, рождающий душистый туман, — навсегда осталось для Алины загадкой. Загадкой, накрытой запахом одеколона, шелестом страниц «Работницы» и «Крестьянки» и тихим, уютным гулом сушиуаров.

Там же была почта, где работала её мама, почтальоном. Алина неоднократно бывала у мамы на работе. Её завораживало, как мама разбирает газеты и журналы, письма по адресам, складывает всё в большую сумку. Там всегда пахло типографской краской.

Возле дороги, которая вела к школе, стоял киоск. Обычный деревянный ларёк, выкрашенный голубой краской, но для всей поселковой детворы он был Меккой. Здесь продавали мороженое.

В вафельном стаканчике — заветные семь копеек. Пломбир в фольге на палочке — одиннадцать копеек, роскошь. И фруктовое — ледяное, разноцветное, которое таяло быстрее, чем успеваешь лизнуть. А ещё ситро — сладкая газировка в бутылках, от которой щипало язык и хотелось пить ещё больше.

Детвора собирала пустые бутылки из-под лимонада и молока, сдавала их в этом же киоске и на вырученные копейки покупала мороженое. Это была целая экономика: три бутылки — порция пломбира. Алина со своими подружками облазила все окрестности в поисках заветной тары, заглядывала в кусты, под лавки, в канавы. Каждая найденная бутылка приближала к счастью.

Возле киоска росло огромное дерево — старый тополь, раскидистый, с толстым стволом. Под ним собирались шахтёры перед сменой. Курили, перебрасывались шутками, поглядывали на дорогу. Ровно в назначенное время подъезжал автобус — запылённый, дребезжащий, и увозил на шахту.

Глава 8. Наша гордость. Спасательная.

Когда кто-то уезжал далеко от дома — в гости к родственникам в город, на экскурсию в областной центр, в пионерлагерь — и кто-нибудь спрашивал, откуда они, они всегда отвечали с гордостью. С особенной, шахтёрской гордостью, которая передавалась с молоком матери.

— Мы живём в посёлке городского типа «Красный Октябрь».

И в этом ответе было всё: и уголь, и степь, и клуб с колоннами, и киоск с мороженым, и долгая сирена по ночам. В нём было всё, что нужно для жизни. Для хорошей жизни.

Рядом с поселком, сразу за последним домом, начиналась другая территория. Там стояли добротные дома сталинской постройки — двухэтажные, с высокими потолками и толстыми стенами. Не то что финские деревянные домики, которые продувало всеми ветрами и которые дрожали, когда мимо проезжал грузовик. Позже их обложат белым кирпичом, и они станут совсем нарядными. Эти стояли крепко, основательно, на века. А ещё там была военизированная горноспасательная часть. ВГСЧ — для взрослых так писали в документах и говорили официально. Для поселковой детворы это место звалось коротко и по-свойски: «Спасательная».

Туда бегали без спросу. Тайком от матерей, оглядываясь, чтобы никто из знакомых взрослых не увидел и не донёс. Не ради этих строгих домов и не ради ВГСЧ — ради качелей.

Спасатели смастерили их для своих детей. Качели были высоченные — не то что хлипкие дощечки на верёвках. Железные цепи, врытые в землю столбы, тяжёлые деревянные сиденья, отполированные сотнями поп. Когда раскачивались как следует, цепь натягивалась, скрипела, и казалось, что сейчас перелетишь через забор, через крыши, через весь посёлок и окажешься прямо в небе. Ветер свистел в ушах, дух захватывало, и мир внизу становился маленьким и далёким.

Дети прибегали туда ватагой, занимали очередь, спорили, чья очередь раскачиваться выше всех. Пахло там железом, мазутом и особой, мужской жизнью, куда им, мелюзге, официально вход был заказан, но они всё равно совали нос, висли на заборе, разглядывая спасателей в форме, их подтянутые фигуры, их серьёзные лица.

А ещё у спасателей был голос. Настоящий, громкий, который слышали все.

Утром, ровно в семь, над поселком прорезалась короткая, бодрая сирена. «Подъем!» — звонко командовала она, врываясь в сны. И весь посёлок просыпался, зная, что пора завтракать, собирать портфели, идти на работу. Хозяйки начинали греметь посудой, мужики затягивали ремни, детвора тёрла глаза и искала второй носок.

Вечером, когда темнело и на небе загорались первые звёзды, звучал «Отбой». Низкий, успокаивающий гудок, который говорил: день прожит, всё хорошо, можно спать. Дети росли под этот ритм, как под бой часов. Это был голос порядка, голос защиты, голос большой земли, которая следит за ними и оберегает.

Но был у этого голоса и другой тон. Страшный.

Иногда сирена не замолкала долго. Она врывалась в дома неожиданно, среди бела дня или глухой ночью, и повисала над поселком сплошным, тягучим воем. Не отрывистым, как обычно, а непрерывным, давящим на уши, леденящим душу.

И тогда в каждом доме, в каждом дворе наступала тишина.

Замирали ложки в руках. Застывали разговоры на полуслове. Дети, игравшие во дворе, останавливались и смотрели на взрослых. Женщины бледнели, прижимали руки к груди, прижимали детей к себе, крепко, до боли.

Потому что в глубине шахты, под землёй, в темноте и пыли, были свои. Отец. Муж. Сын. Брат. Кормилец. Тот, без кого жизнь останавливается.

Долгая сирена значила одно — случилось. Обвал. Взрыв метана. Прорыв воды. Слова, которые никто не хотел произносить вслух, повисали в воздухе тяжелее свинца. Женщины крепстились тайком, быстро, часто, шепча молитвы, которым научили их матери. Старики, сидевшие на лавочках, смолили сигарку за сигаркой, глядя в одну точку. Детвора забывала про качели и про игры, прижималась к заборам и смотрела на дорогу, ведущую к «Спасательной».

Туда, где уже бежали люди. Туда, где строились в ряды мужчины в касках, с лампами на касках, с дыхательными аппаратами за спиной, готовые спуститься в ад, чтобы вытащить своих. Туда смотрели все.

В такие минуты посёлок замирал. Даже собаки не лаяли — только выли иногда, подвывая сирене, и от этого становилось ещё страшнее.

А потом сирена замолкала. Обрывалась внезапно, как ножом отрезало. И наступала тишина — тяжёлая, липкая, ожидающая.

И в этой тишине, в каждом доме, продолжало жить одно чувство. Оно передавалось от матерей к детям, от стариков к молодым, оно было в воздухе, в воде, в угле, который жгли в печах. Надежда.

Та самая, без которой в поселке не выжить. Надежда на то, что спасатели успеют. Надежда на то, что земля отпустит. Надежда на то, что всё будет хорошо.

Она теплилась в груди у каждой женщины, у каждого ребенка, даже у тех, кто уже не верил ни в бога, ни в черта. Она горела тихим огоньком, как лампадка перед иконой. Она помогала дышать, ждать, не сходить с ума.

И часто — очень часто! — надежда оправдывалась. Спасатели вытаскивали. Земля отпускала. И всё было хорошо.

До следующего раза. До следующей долгой сирены.

Глава 9. Отец

Когда Алины ещё не было на свете, в их дом пришла беда. Та, что потом поселится в кладовке — в виде деревянных ног, завёрнутых в простыню, и в отцовском взгляде.

Отец приехал на Донбасс в пятидесятые, совсем пацаном, с тощим чемоданом и мальчишеской удалью. Ушёл под землю на шахту «Ясиновка-Глубокая». Там, в забое, и встретил маму Алины. Тогда девушки работали под землёй — подпирали плечом вагонетки, сошедшие с рельсов. «Не то что нынешнее племя», — говорила мама, и Аля представляла тонкие девичьи плечи, чёрные от угольной пыли, упирающиеся в железо.

В детстве Аля любила рассматривать старые фотографии. Отец в шахтёрской робе, через плечо — тяжёлая брезентовая спасательная сумка, в руках — шахтёрская лампа. «Коногонка», — объяснял отец. Слово пахло лошадьми и подземельем. Когда-то коногоны водили под землёй лошадей и первыми прикрепили лампы к каскам. Теперь лошадей не было, а слово осталось. Как память.

У молодой семьи появились дети. Когда двум девчушкам было четыре и шесть, случился обвал.

Потом родилась Алина, отец уже работал в поселковом ателье портным.

Как случилось страшное, Алина узнала не сразу. Мать молчала. Отец не любил говорить. Только иногда, когда Аля замечала, как он по утрам надевает протез, она принимала это как должное. Ну да, у папы нет ноги. Ну и что? Папа же есть. Он сажает её на колени, гладит по голове шершавой ладонью. А то, что в кладовке стоят несколько ног — из дерева и кожи, на разные сезоны, — это просто странность. Детство не спрашивает, оно принимает мир таким, какой он есть.

Но однажды вопросы пришли.

— Пап, а почему у тебя нога не своя?

Он долго молчал. Посадил Алю на табуретку, вздохнул глубоко, как перед спуском в шахту.

«Ничего не предвещало беды, — сказал он тихо. — Смена была обычная. Я спустился, приступил к погрузке. И вдруг — один миг, и я уже лежу. Глыба придавила меня. Нога на рельсе оказалась. А впереди — электропоезд. Тормозов нет. Я слышал, как он приближается. И слышал, как трещит моя кость. Слышал это собственными ушами. И ничего не мог сделать».

Он замолчал. В комнате стало так тихо, что Аля услышала, как тикают ходики на стене.

— А потом — шок, темнота. И спасатели. ВГСЧ. Ребята наши. Они меня откопали, вытащили. Нogu не спасли. Но жизнь — спасли.

Аля сидела, прижавшись к его плечу, и впервые чувствовала, какой он на самом деле хрупкий. И какой сильный.

Держать удар — это не только подпирать вагонетку плечом. Это ещё и жить дальше. С протезом. С памятью о том, как трещит твоя собственная кость.

А потом пришло осознание: он больше не парень без ноги — он инвалид. А за спиной — семья, трое девчонок, три пары глаз, которые смотрят и ждут. Их надо поднять, вырастить, выучить. А в багаже — семь классов, военное детство, и ни одной профессии.

И он нашёл выход. Решил: пойду учиться. Вечерами шагал в вечернюю школу. Потом — техникум, специальность «портной». И завертелось.

Алина, самая младшая, помнила это смутно: папа уезжал куда-то надолго. А потом — праздник! Он появлялся в дверях, уставший, но с подарками: куклы из папье-маше, фильмоскоп с плёнками, игрушечный сервиз, книжки.

В углу комнаты стояла белая этажерка с накрахмаленными салфетками, расшитыми ришелье. Она медленно наполнялась сокровищами: журналы с выкройками, книги по конструированию, лекала. А между ними — просто книги. Для души.

У окна жила швейная машинка — немецкая «Веритас», чёрная, с золотистыми узорами. Отец частенько склонялся над ней по вечерам. Моторчик гудел ровно, лапка прыгала, и строчка ложилась ровно, строчка к строчке.

Главным его царством было поселковое ателье. Там он кроил, шил, заведовал. Работы хватало всегда — время было такое, когда люди ценили вещи, сшитые на заказ, с душой.

Мама тоже не отставала. Наберёт ситца — в цветочек или горошек — и застрочит на своей машинке. Нашёт дочкам обновок к лету. Аля выскочит на улицу, крутанётся, юбка солнце-клеш взлетит: «Посмотрите, какое у меня платье! Мама сшила!»

Всю жизнь отец носил протез. Тяжёлый, неудобный, натирающий до мозолей. Но он никогда не позволял себе раскисать. Всю мужскую работу по дому — дрова, забор, картошку — делал сам. Не потому, что некому помочь, а потому что он был мужчиной. Отцом. Главой. И не мог позволить себе быть слабым.

У каждого человека есть свой лабиринт памяти — своя собственная страна воспоминаний, куда он возвращается вновь и вновь, чтобы припасть к родниковой воде у истоков своей малой родины. Но есть и другая память — память предков, тот незримый свет, который люди обязаны хранить в своих сердцах и передавать дальше, своим детям, как эстафету бессмертия.

Это простое и щемящее понимание приходит не сразу. Оно приходит только тогда, когда тебе уже за пятьдесят. А ещё — когда твоих родителей уже нет на этой земле. Вдруг остро хочется спросить, запомнить каждое слово, записать, остановить время... Но отца уже не окликнуть, и мамин голос звучит лишь в глубине памяти. И тогда ты начинаешь блуждать по тому самому лабиринту, собирая по крупицам всё, что когда-то говорил отец и тихо рассказывала мама, склонившись над детскими кроватями.

Эта память поколений, эта живая нить рода — и есть твой стержень. Именно она держит тебя, не даёт согнуться под ударами судьбы и в самые тёмные времена напоминает: ты не один, за твоей спиной — целая вечность.

Но что делать с воспоминаниями о войне? С теми страшными, обжигающими картинами смерти, с муками людей, которые не вытравить из сознания? Те, кто пережил этот ад, не хотят возвращаться туда снова и снова. Это неподъёмный груз, который они несут через всю свою жизнь, стиснув зубы. И тем, кто не видел войны своими глазами, этого никогда до конца не понять. Можно лишь прикоснуться к их боли краем души, но измерить её глубину не дано.

Отец Алины носил в себе эту тяжесть всю свою долгую жизнь. Эта страшная память жила в нём, как затаившаяся рана, которая никогда не заживала до конца. Он никогда не рассказывал детям о войне, не ворошил прошлое, не пугал их ночными кошмарами. Он просто много читал книг о военном времени. Листая пожелтевшие страницы чужих романов и повестей, он словно бы тайно возвращался в собственное украденное детство, проживая чужой подвиг и чужую боль вместо своей собственной, чтобы хоть на миг отпустить её.

Всё, что осталось у сестёр, — это короткие воспоминания отца. Его рассказы о том, как ему, совсем ещё мальчишке, пришлось навсегда покинуть родной дом. Он родился в селе Замх, в Люблинской волости. Сейчас эта земля принадлежит Польше, но в его голосе, когда он произносил это название, всегда звучала щемящая тоска по чему-то навсегда утерянному. Крестили его в православной церкви, и он всегда с особой гордостью, чуть приподняв голову, добавлял: его семья принадлежала к лемкам — или, как говорят по-другому, к русинам. И в этом слове для него было всё: и вера предков, и древняя история, и та несправедливость, что разметала его народ по белу свету.

История лемков — это история горькой Голгофы. Этот народ, принявший христианство ещё от святых Кирилла и Мефодия, заселял склоны Карпат более тысячи лет. Но мир не прощает тем, кто хранит верность своим корням. Сначала были долгие столетия гонений и насильственного обращения в унию, когда за православие можно было поплатиться жизнью. Потом пришла Вторая мировая война, и всё смешалось в кровавом водовороте. А в 1944–1946 годах, по соглашению между Польшей и Советским Союзом, около полумиллиона русинов и лемков были насильно выселены со своих исконных земель в далёкие украинские степи, а кому-то повезло уехать недалеко и осесть в западных районах Украины. Отца Алины и его семью эта участь не миновала.

Они покидали Замх, оставляя за спиной насиженные дома, дедовские поля и могилы предков. Семьи разлучали, разбрасывали по разным колхозам, чтобы они быстрее растворились, потеряли свой язык и свою память. Чужие люди, чужая земля, чужая, тяжёлая работа — так начиналась их новая жизнь.

А тех, кто всё же уцелел после первого переселения, в 1947-м настигла новая волна — операция «Висла». Оставшихся лемков разметали по северным и западным землям Польши, запрещая им селиться компактно, запрещая строить церкви и петь песни на родном языке, чтобы ассимилировать, стереть с лица земли саму память об этом народе. Сотни деревень были стёрты с лица земли, а люди, у которых отняли Родину, превратились в безмолвных изгнанников, вынужденных носить свою боль в сердце.

Отец Алины был одним из тех, кто эту боль пронёс через всю жизнь. Тяжкий груз депортации, горечь потери родины и уничтоженной веры отцов навсегда осели в его душе. Поэтому он молчал. Он никогда не рассказывал детям о войне, не ворошил прошлое. Единственным его способом возвращения в ту утраченную страну были книги о военном времени. Листая пожелтевшие страницы чужих романов, он словно блуждал по лабиринту собственной памяти, пытаясь собрать по крупицам тот мир, который у него отняли, чтобы передать его хотя бы в своих снах — детям, родившимся и уже выросшим на чужбине.

Глава 10. Мама

Мама родилась на Подолье, в тридцатых. В большой семье, где семеро детей — это не просто цифра, а семь ртов, семь судеб, семь тоненьких ниточек, вплетённых в одно полотно. Детство у неё было тяжёлое, голодное, выжженное лихорадкой. Тиф. Она часто рассказывала детям о своей деревне, о той земле, где каждый колосок был на счету, и почти каждый год возила их в гости к единственному оставшемуся брату. Из семерых — только двое. Остальные растаяли, как утренний туман над Южным Бугом.

Мамины рассказы, со всеми их подробностями, запали в душу Алины на всю жизнь. И сейчас, спустя столько лет, она всё чаще прокручивает их в памяти, как старую, потрескавшуюся киноплёнку. Вот кадр: мама молодая, с красивыми, густыми, чёрными волосами, которые вились и падали на плечи длинными, живыми змейками. А вот наезжает другой кадр — болезнь. Тиф подкосил её внезапно, свалил с ног высокой, пышущей жаром температурой.

Её мама, Алина бабка, запричитала тогда на всю хату:

— Помрэ дивчина! Пропадэ! Рятувати треба!

Наскоро снарядили телегу, повезли в район, в больницу. А там — знакомая санитарочка, худая, в застиранном халате, посмотрела строго и отрезала:

— Волосы надо сбрить. Под корень. Иначе не выживет.

Бабка ахнула, руками всплеснула:

— Та як же так? Такі коси! А може, мы их сховаєм, зав'яжемо хусткою туго-натуго? Нихто и не буде знати!

Долго уговаривала, пока та, скрепя сердце, не махнула рукой: мол, ваша воля, но потом не пеняйте.

Мама болела долго и тяжело, с трудом, с молитвами, но выкарабкалась. Все эти дни семья жила как на иголках, и вот наступил день выписки. Привезли маму домой — чуть живую, бледную, слабую, как былинка. Положили на кровать, осторожно стали снимать косынку с головы. Сняли... И ахнули. Волосы, те самые красивые, густые волосы, поднялись шапкой, спутанные, грязные, а в них, гроздя, копошились вши. Целое полчище. Страх божий! Мать всплеснула руками, кинулась за керосином. И давай дочке голову мыть, тереть, вычёсывать, обрезать колтуны. Позже большая часть волос и вовсе вылезла, остались редкие прядки. Но прошло время, и отросли новые, ещё гуще, ещё чернее, ещё красивее прежнего. Вот такая история.

А ещё она рассказывала о войне. О том, как через село прошли немцы — чужие, серые, страшные в своей чужеродности. А следом за ними пришли румыны. И давай свою власть устанавливать, как свою волю навязывать. Открыли школу, согнали местных детишек и ну их румынскому языку учить. Из всего того урока мама запомнила на всю жизнь только счёт до десяти. «Уну, дой, трей, патру...» — повторяла она иногда, и в этих звуках, как в старой шкатулке, звенело эхо той поры.

А ещё запомнился учитель, который... ел траву. Обычный молочай, что рос у дороги. Срывал, жевал и причмокивал. Детвора, конечно, смеялась над ним, прячась за углами, но траву эту, потехи ради, исправно ему приносила. «Пане вчителю, ось, скуштуйте!» — и убежали, давась хохотом.

Ох и тяжело же им было, ох и страшно — все те годы, что захватчики хозяйничали. Но зато какая же это была радость, когда их наконец прогнали!

В одно утро, чуть свет, заходит в село наша армия. Уставшие, запylённые, но свои, родные! А на окраине, прямо за огородами, поставили пушки.

Отец семейства, дедушка Алины, в тот же день — ни много ни мало — зарубил единственного петуха, последнего! «Наши наступают!» — решили. — «Будет праздник!» Сварили суп, сели обедать.

И тут — как ахнут пушки! Грохот по всей деревне раскатился, аж земля под ногами задрожала. Какой там петух, какой суп! Страшно-то как! Все — кто куда — бросились прятаться в подвал.

Посидели там, притихли. Минут тридцать, наверное. Тишина... Вылезли потихоньку, огляделись — тишина. Ну, думают, кончилось. Сели суп доедать.

И снова — как бабахнет! Да ещё и ещё, один залп, второй!

Женщины — мать, дочери, — сразу к подвалу. А мужчины заартачились:

— Нет уж! Никуда мы не побежим. Будем суп доедать. Это наша АРМИЯ, она нас защищает! Своих пушек бояться — стыда не оберёшься.

А потом стрельба стихла. Тишина. Такая звенящая, что уши закладывало.

Мама Алины вылезла из подвала, отряхнулась и — к соседям через дорогу. Жили там две сестры, Филя и Генефа, всегда ласковые, приветливые. И всегда звали на черешню: большой у них сад был, ягода к ягоде. Девчонка залезла на дерево, уселась поудобнее, тянется к самой спелой, тёмно-бордовой ветке, и тут — БАХ! — выстрел где-то совсем рядом, оглушительный! Ох, и летела она с той черешни вниз! Кубарем, через ветки, через листья, зацепившись подолом

за сук. Приземлилась, сердце колотится где-то в горле, а сама цела. Только коленку ободрала да горсть ягод в кулаке зажала намертво.

Каждый раз, когда Аля с сёстрами и мамой приезжали в родное село, их путь лежал к одной и той же калитке. К Фильке и Генефе. К двум стареньким сестрам, что жили в хате под соломенной крышей и всегда, всегда звали на черешню.

Они входили в сад, и мама, улыбнувшись какой-то своей, сокровенной мысли, подводила их к старому дереву с раскидистыми ветвями, усыпанными тёмно-бордовыми ягодами.

— Вот с этого самого, — говорила она тихо, и глаза её становились дальними-дальними. — С этого дерева я и летела тогда кубарем, когда выстрел грянул.

И девчонки смотрели на дерево с благоговейным ужасом, представляя, как их молоденькая мама, тогда ещё просто девчонка, испуганной птицей срывается вниз, в густую траву, но в кулачке намертво зажата горсть черешни. Для них это была не просто история — это была легенда, вплетённая в корни этого дерева.

Две сестры, Филя и Генефа, прожили вместе всю свою долгую жизнь. Вдвоём. В беленькой хатке под соломой, с глиняным полом, который они подметали веником из чабреца, и пахло в доме не стариной, а почему-то покоем и вечностью. Давно уже нет на свете тех сестёр, а хата — стоит. Стоит, словно не замечая бега времени. Ей уже больше ста лет, а она всё такая же, припавшая к земле, укрытая старой, золотой соломой.

Алина была тогда совсем крохой, но то, что случилось однажды, врезалось в память ярко, как цветное стёклышко в серой пыли дороги. Стройка века! Так, наверное, назвали бы это сейчас, а тогда для всей деревни это было событие, праздник, зрелище.

Все жители вышли помогать. Подвода, огромная, как живой дом, доверху гружёная золотистой, пахучей соломой, перетянутой верёвками, подкатила к воротам. Мужик, кряжистый, с обветренным лицом, распахнул ворота и, причмокивая, завёл лошадь во двор. Неподальёку от старой хаты под соломой должно было родиться что-то новое — дом под железной крышей, большой, светлый.

А пока во дворе, на расчищенном месте, образовался огромный круг. В центр его ссыпали глину, перемешивали с соломой, поливали водой. И вот тут начиналось самое волшебство. В центр круга, задрав штанины выше колен, заходил босой мужик. Он брал за уздцы лошадь и начинал водить её по кругу. Лошадь шла мерно, тяжело переступая копытами, и под её ногами рождалось месиво — тягучая, живая глина, перемешанная с соломой. А вокруг, по краям круга, стояли бабы в ярких платках. Они ловко, будто в танце, набирали эту тёплую, скользкую массу и укладывали её в прямоугольные деревянные формы. Так, прямо на глазах у изумлённой детворы, рождались саманные кирпичи — тяжёлые, грубые, но такие настоящие, пахнущие землёй и потом.

Для маленькой Алины это было чудо. Настоящее, живое, не выдуманное волшебство. Она стояла, раскрыв рот, и смотрела, как на пустом месте, стараниями мужика с лошадью и баб с формами, создаётся материал для нового дома. А сестры Алины бегали и старались тоже участвовать в таком великом деле, несмотря на то, что у них были нарядные платья.

Это зрелище она запомнила на всю жизнь.

Дом построили. Большой, светлый, с высокими окнами, которые, казалось, вбирали в себя всё солнце. Вот только старушки, Филя и Генефа, так и не переехали в него. Не смогли. Не смогли бросить свою родную, выбеленную временем хатку под соломенной крышей, с её низкими потолками и тёплым глиняным полом. Так и остались доживать в ней, а новый дом стоял рядом, сиротливо поблёскивая железной крышей.

Пролетели годы. Много лет спустя Алина приехала сюда уже не девочкой, а взрослой женщиной — с мужем, с сестрой Кристиной и со своей взрослой дочерью. Повод был радостный: двоюродные братья собирали гостей, младший женил сына.

Среди шумного застолья и суety Алине с Кристиной вдруг остро, до боли в груди, захотелось одного — сбежать в детство. Туда, где их всегда ждали. В гости к тётям Филе и Генефе. Они знали, что тётушек давно уже нет на этом свете, но ноги сами просились на ту тропинку.

Богдан, двоюродный племянник, вызвался проводить старших родственников.

Они шли по знакомой, почти забытой тропинке, и с каждым шагом сердце Алины сжималось от сладкого предчувствия и горечи одновременно. Трава здесь пахла так же, как тридцать лет назад, и ветер шумел той же листвой.

Первой не выдержала Кристина, когда они подошли к маленькой временке, где когда-то, в летние дни, Генефа варила свой знаменитый суп.

— Смотрите, — голос сестры дрогнул, — печь... она ещё стоит. Не разрушилась. — Кристина провела рукой по старой кладке. — Здесь Генефа угощала нас, трёх маленьких сестрёнок. Помните тот суп?

Богдан, глядя на эту картину, тихо улыбнулся:

— Так она и нас, пацанов, этим супом кормила. Бывало, прибежим с речки голодные, а она уже стоит у печки и поварёшкой машет.

Алина переглянулась с сестрой. Выходит, что не одно поколение выросло на супе тёти Генефы. Это открытие обожгло теплом и какой-то очень светлой грустью.

А хата стояла. Беленькая, чистенькая, будто её только вчера подбелили к Пасхе заботливой тетинной рукой. Они вошли внутрь, и в тот же миг время исчезло. Воздух плотно, нежно обволок их тем самым, единственным и ни с чем не сравнимым запахом. Здесь пахло сухими травами, собранными, казалось, ещё в прошлом веке, старыми пожелтевшими фотографиями в рамках, остывшими углями печи, и чем-то неуловимым, зыбким, что невозможно описать словами. Это пахло детством. И на одно мгновение Алине показалось, что сейчас из-за занавески выйдет Генефа, всплеснёт руками и скажет: «Ой, девчата, пришли! А я вас супом кормить буду».

Берегут это место в селе. Теперь это не просто старая хата, а достояние, живая память, вросшая в землю Подолья. И пока она стоит, жива и та девочка, что летела кубарем с черешни, и те две сестры, что не бросили свой дом, и та лошадь, что месила глину для самана. Всё это живёт здесь, в запахе, в белых стенах, в тишине, разлитой над старой хатой под соломой.

Глава 11. Три сестры

Светит месяц, светит ясный,

Светит полная луна.

Три подружки, три соседки

Выступать пришли сюда.

Дарья, Марья, Акулина...

Звонкие детские голоса лились из прихожей, заглушая шипение сковородок на кухне. Пахло праздником и мамиными пирогами. В честь Восьмого марта в квартире давали большой концерт.

Сцена располагалась в дверном проёме между кухней и прихожей. Тяжёлые бордовые портьеры, обычно мирно висевшие здесь, сегодня превратились в самый настоящий театральный занавес. Законы жанра были непреложны: после каждого номера занавес нужно было обязательно задёргивать, чтобы зритель (в лице мамы, папы и, возможно, кота) томился в сладком ожидании чуда.

Тремя самостоятельными артистками были сёстры: серьёзная Ирина, выдумщица Кристина и маленькая Алина. Мама хлопотала на кухне, а девчонки готовились сами. Мамины

платья, большие и струящиеся, висели на них мешковато, но юные портнихи нашли выход. Подолы справа и слева они привязали нитками к запястьям. Стоило поднять руки — и ткань послушно взлетала вверх, открывая ноги, чтобы не запутаться и не рухнуть прямо посреди ответственного номера.

Головы венчали кокошники. О, это была особая гордость! В ход шли ученические тетради (бумага для основы), а поверх них привязывались ажурные накидки, которые в обычной жизни бережно укрывали диванные подушки. Это придавало образам сказочность и величие.

Старшие сёстры были неугомонными выдумщицами, и каждая их затея захватывала Алину целиком. Она была как губка: всё, что знали и умели Ира с Кристиной, навсегда оставалось в её сердце.

Глава 12. На грани сна

С какого же возраста дети помнят себя? С какого мгновения память начинает фотографировать жизнь?

Алина помнила себя совсем крохой, уложенной в деревянную кроватку. У кроватки были высокие бортики с перегородками из гладких деревянных палочек. На стене напротив висел коврик. Не простой, а с целым миром: на нём был выткан снежный лес, сани, мужичок с кнутом, погоняющий лошадь, а за санями, растянувшись по сугробам, бежали волки — два больших и три маленьких волчонка.

— Это папа, — Алина тыкала пухлым пальчиком в большого волка. — Это мама, — палец перебежал на волчицу. — Это Ира, это Кристина... а это я, — торжествующе заканчивала она, указывая на самого маленького волчонка, который, высунув язык, пытался догнать упряжку.

Кристина, укладывая её спать, пела. Чаще всего песня была грустная и красивая, не детская совсем:

Там, вдали за рекой,

Загорались огни,

В небе ясном

Заря догорала,

Сотня юных бойцов

Из будённовских войск

На разведку

В поля поскакала...

Слова эти вплавились в Алину на всю жизнь, навсегда связавшись с духом её сестры.

Помнила Алина и другие песни, которые доносились из красивого ящика под названием радиола «Минск-58».

Она появилась в доме в начале шестидесятых — тяжёлая, основательная, в полированном деревянном корпусе цвета тёмного ореха. Восемнадцать килограммов добротной ламповой техники, которая должна была служить вечно. И служила.

Алина часто подходила к ней, когда в комнате никого не было. Садилась на корточки и разглядывала. Слева — ряд белых пластмассовых клавиш. Она представляла, что это зубы этого ящика. Они туго нажимались, с мягким, увесистым щелчком, и каждая зажигала свою жизнь: «ДВ» — дальний мир, «СВ» — погода и новости, «КВ» — таинственный шум эфира,

где можно было поймать голоса из-за бугра, «УКВ» — почти местное, понятное, с лёгким шипением.

А над клавишами — круглые ручки-регуляторы с хромированными ободками, которые поблёскивали, если падал свет из окна. Ими можно было крутить бесконечно, ловя нужную волну, вылавливая из шума музыку.

Сверху — крышка. Тяжёлая, полированная, с аккуратным кантом. Под ней прятался проигрыватель. Поднимаешь её — и внутри пахло старым деревом, тёплой пылью и чуть-чуть — ламповым жаром. Диск, покрытый зелёным сукном, ждал, когда поставят пластинку. А по бокам, за тканью цвета топлёного молока, дремали три динамика — один широкополосный и два высокочастотных, чтобы звук лился широко и объёмно, заполняя всю комнату.

Когда ставили пластинку, игла касалась дорожки с тихим шорохом. И из динамиков выходил голос — тёплый, ламповый, чуть-чуть с хрипотцой, какой бывает только у старых радиол. Голос Магомаева, или Эдиты Пьехи, или просто джаз, плывущий сквозь треск и шипение.

Алине нравилась Майя Кристалинская:

Топ, топ, топает мальши.

С мамой по дорожке — милый стриж!

Маленькие ножки не спешат,

Только знай себе твердят:

«Топ, топ, очень нелегки

В неизвестность первые шаги.

А в саду дорожка так длинна —

Прямо к небу тянется она».

Топ, топ... Топ, топ...

Очень нелегки

Топ, топ... Топ, топ...

Первые шаги.

А ещё любила слушать Людмилу Зыкину. Эти песни — в сердце на всю жизнь.

«Оренбургский пуховый платок»

В этот выюжный неласковый вечер,

Когда снежная мгла вдоль дорог,

Ты накинь, дорогая, на плечи

Оренбургский пуховый платок.

Я его вечерами вязала

Для тебя, моя добрая мать.

Я готова тебе, дорогая,

Не платок — даже сердце отдать.

«Течёт река Волга»

Издалека долго течёт река Волга,

Течёт река Волга, конца и края нет.

Среди хлебов спелых, среди снегов белых

Течёт моя Волга, а мне семнадцать лет.

Сказала мать: бывает всё, сынок.

Быть может, ты устанешь от дорог.

Когда придёшь домой в конце пути,

Свои ладони в Волгу опусти.

И сейчас, когда Алине на глаза попадались строки этих песен, у неё сжималось сердце и подступал ком к горлу. Наверное, с возрастом все становятся сентиментальными.

Эта радиола до сих пор стоит у кого-то на антресолях или в музее, как экспонат, с табличкой на корпусе. А Алине всё кажется: если нажать белую клавишу — загорится зелёный глазок и польётся тот самый голос. Из детства.

Глава 13. Шкода

Ещё одним ярким воспоминанием, тёплым и живым, было рождение котят. Маленькие, слепые, они пищали в коробке. Сёстрам казалось, что те непременно умрут с голоду. Схватив котёнка, они тыкали его крошечной мордочкой в блюдо с молоком, пока тот не начинал фыркать и задыхаться. Кристина, в которой уже тогда просыпалась будущая рукодельница, выдвинула гениальную идею:

— А давайте сошьём им штанишки!

Идея была встречена на ура. Правда, до штанишек дело так и не дошло — котята подросли, прозрели и начали пить молоко самостоятельно.

Но как бы благотворно ни было влияние старших, внутренняя Алина-шкода родилась вместе с ней. Мама часто вспоминала историю о том, как легко можно сглазить собственное будущее.

На хуторе за рекой жила женщина, держала коров и носила молоко в посёлок. Мама часто покупала у неё, и они подолгу разговаривали, делясь материнскими радостями и горестями. Алина тогда ещё была в мамином животе.

— Ох, мои девчонки такие непоседы, — жаловалась молочница, — везде влезут, вечно что-то натворят.

— А у меня дочки, — с гордостью отвечала мама, поглаживая круглый живот, — послушные. Ничего плохого не сделают.

Ох, не в добрый час она это сказала.

Родилась Алина — и началось...

Совсем маленькая, ещё в школу не ходила, а стоило ножницам попасть ей в руки — всё, пиши пропало. Резалось всё. Сначала пал красивый мамин цветастый платок. Потом надувной

клеёнчатый мяч, который весело лопнул под лезвиями. А однажды, оставшись одна в комнате, она отстригла себе чёлку. Не абы как, а почти под корень. Выстригла и, довольная, спрятала русые прядки за шкаф, искренне веря, что мама ничего не заметит. Смешная. А когда всё было раскрыто, ходила и всем показывала: «Смотрите, а у меня ёжик!» — и проводила ладонью по волосам.

Но больше всего её манила папина бритва. «Харьков», тяжёлая, опасная, мужская. Она часами наблюдала, как отец бреется, а потом сдувает с неё мелкие щетинки. И однажды этот миг настал: Алина осталась одна, а бритва — вот она, в руках. О последствиях она не думала, её завораживал сам процесс, тайна, скрытая в хромированном металле.

Она сняла плавающие ножи — точно так, как это делал папа. Но этого показалось мало. В ход пошла маленькая отвёртка. Бритва развалилась на составные части. И тут её взгляд упал на блестящую, тугую пружинку. Желание растянуть её было сильнее доводов разума. Алина потянула... Пружинка послушно вытянулась, но обратно сжиматься отказалась наотрез. Как Алина ни старалась, как ни сжимала её в вспотевших ладошках — та осталась длинной и бесполезной. Пришлось спешно запихнуть все детали под диван и сделать вид, что ничего не было.

Отец искал бритву долго. Искал сердито, с недоумением. Алине пришлось сознаваться. Она ревела, выкладывая перед ним кучу железок, но сквозь слёзы было видно, что ревела она не столько от страха, сколько от обиды за ту самую непослушную пружинку.

Очередь дошла и до будильника. Ну как можно было устоять перед тикающим ящичком Пандоры? Алина была свято уверена, что раз она разобрала бритву, то уж часы-то соберёт обратно запросто. Она аккуратно раскрутила его на винтики, колёсики и шестерёнки, выложив ровным рядком на полу.

Ругали её, конечно. Крепко ругали. Но сквозь мамин сердитый голос и папины вздохи уже тогда пробивалось другое чувство — удивление и тайная гордость. В доме рос не просто ребёнок, а почемучка, исследователь, маленький, но очень любознательный человек.

Глава 14. Субботнее сражение

Старшая сестра Ирина любила порядок. Но это было сказано слишком мягко. Ирина не просто любила порядок — она была его верховной хранительницей и самым строгим надзирателем. Там, где другие дети могли бы пройти мимо горящей лампочки среди бела дня, Ирина не проходила. Она выключала. Всегда. За всеми.

Шторы в комнатах должны быть задёрнуты ровно настолько, чтобы солнечный свет не выжёл обои, но и не настолько, чтобы в комнате воцарился склеповый мрак. Баланс этот знала только она.

Но самым суровым испытанием для младших сестёр была суббота.

Утро субботы. За окном ещё сонное солнце, выходной день, когда можно валяться в кровати до бесконечности, пока пузо не замёрзнет, и переворачивать подушку прохладной стороной... Как вдруг — шорох. Шаги. Голос, не терпящий возражений:

— Подъём! Уборка!

Кристина, средняя, вздыхала, но вставала. Она уже привыкла. Но Алина... Алина была сделана из другого теста. Из теста сопротивления.

— Не хочу-у-у, — мычала она, зарываясь лицом в подушку и натягивая одеяло до макушки. Тело её превращалось в бесформенный, но тяжёлый мешок с картошкой.

И тогда начиналось сражение.

Ирина с Кристиной подходили с двух сторон, как заправские охотницы.

— Давай, вставай, соня! — командовала Ирина, хватая Алину за руки.

— Ну Алина, ну пожалуйста, — вторила Кристина, хватая за ноги.

— Не-е-ет! — визжала Алина, цепляясь за матрас.

Их было двое, и они были старше. Силы были неравны. Тяжёлый куль, в который превратилась младшая сестра, с титаническими усилиями отрывали от кровати и волокли в сторону кухни. Алина болталась в их руках, как тряпичная кукла, но не сдавалась.

В коридоре, когда хватка ослабевала на какую-то долю секунды, она вырывалась.

— А ну стой! — кричали сёстры, но Алина, босая, в длинной ночнушке, уже неслась обратно в спальню и с разбегу ныряла под одеяло. Сердце колотилось от восторга и адреналина.

— Всё? — переглядывались старшие. — Опять?

И погоня начиналась заново. Из спальни в коридор, из коридора на кухню. Бегали вокруг стола, как вокруг тотема. Алина, чувствуя, что её вот-вот снова схватят, вскакивала на стол с ногами и замирала, как партизан на дереве.

— Слезай! — требовала Ирина, уперев руки в бока.

— Не слезу! — заявляла Алина, топчась по клеёнке.

И вот в этом моменте, когда сон окончательно улетучивался из всех голов, когда злость смешивалась со смехом, когда погоня превращалась в игру, — в этом моменте было самое настоящее счастье. Гомон, визг, топот босых пяток и мамин голос из спальни: «Девчонки, ну что вы опять там раскричались?» — всё это было субботой. Всё это было детством.

Воспитательный момент, конечно, наступал. Но в исполнении Ирины и Кристины он тоже был творческим. Пока Алина, наконец, умытая и причёсанная, пила чай, старшие садились за стол и рисовали стенгазету. На ватмане появлялась карикатура: длинный стол, а на нём, как обезьянка на пальме, сидит растрёпанная Алина с высунутым языком. Подпись гласила: «Дикая обезьянка не желает слезать!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.